

Отзыв на диссертацию
УДК 343.2/7
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-289-294>

**Отзыв официального оппонента о кандидатской диссертации
Н. С. Гончаровой «Символы в российском уголовном праве» (Саратов, 2023):
основные вопросы научной дискуссии**

Тихонова Светлана Сергеевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени
Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, sstikhonova@yandex.ru

Dissertation review

**Review of the official opponent on N. S. Goncharova's Ph.D.
thesis "Symbols in Russian Criminal Law" (Saratov, 2023):
the main issues of scientific discussion**

Svetlana S. Tikhonova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, sstikhonova@yandex.ru

В настоящее время в отечественной общетеоретической науке отсутствует однозначное решение вопроса относительно содержания понятия «правовой символ». Позиции, разрабатываемые в общей теории права, в силу фундаментального характера последней получают широкое распространение в сфере отраслевых юридических знаний, а, следовательно, и отсутствие в общетеоретических работах единообразия в описании правовой символики транслируется на отрасли права. В этой связи актуальность диссертационного исследования Н. С. Гончаровой, в котором целью заявлено «формирование концепции феномена символа в уголовном праве» (с. 6 диссертации, с. 6 автореферата), то есть проблематика правовых символов выведена на концептуальный уровень научного осмысления, не вызывает сомнений.

Диссертация Н. С. Гончаровой состоит из введения, двух глав, разделенных на равное количество параграфов, заключения, списка используемых источников и двух приложений.

Научная основательность диссертационного исследования достаточно отчетливо проявляется уже в главе 1 работы «Символ как социально-правовой феномен». В рамках данной главы Н. С. Гончарова в первую очередь подвергает научному осмыслению понятие «символ» как искусственный условный отличительный знак, служащий для обозначения какой-либо идеи,

создающий определенный эмоциональный образ и обеспечивающий взаимопонимание между субъектами общественных отношений.

Исходя из научных положений, разработанных представителями общей теории права относительно назначения символов в системе общественных отношений, известно, что символы призваны воздействовать на поведение субъектов данных отношений через эмоциональную сферу, формируя типовые поведенческие условные рефлексы. При этом символом может выступать как видимое, так и слышимое культурно-ценностное образование: действие, предмет, текст, изображение, световой сигнал, звуковой ряд. Однако, поскольку в теории права в целом не отрицается и возможный комплексный характер символов (сочетание «текст-предмет-действие» и т. д.), вызывает сомнения целесообразность оспаривания диссертантом приводимых в отдельных общетеоретических работах частных примеров вышеуказанной общетеоретической классификации, например, утверждение о том, что «символом является не текст присяги, а принятие присяги в целом» (с. 88 диссертации).

На основе изучения различных теоретических позиций в представленном диссертационном исследовании (положение 8, выносимое на защиту, с. 12–13 диссертации) правовые символы разделены на следующие виды — «символ

© Тихонова С. С., 2023

как норма права» и «символ как законодательная графика», он же «символ как средство законодательной техники» (с. 95, 115 диссертации) и даже «особое средство законодательной техники» (с. 4 автореферата).

Последовательно проанализируем каждый из представленных аспектов понимания диссертантом правового символа.

«Символ как средство законодательной техники»

Известно, что создание эффективного законодательства возможно лишь в результате качественной научно-обоснованной деятельности законотворческих органов, для которых общетеоретические и отраслевые науки должны предложить готовые «рецепты» использования юридико-технического инструментария. Применительно к использованию правовых символов как средств законодательной техники таких «рецептов» не предложено. Тем не менее, существуют общетеоретические наработки (Ю. Г. Арзамасов, В. К. Бабаев, В. М. Баранов, Н. А. Власенко, А. В. Никитин, В. А. Толстик и др.), в которых правовыми символами как средством законодательной техники считаются схемы, рисунки, знаки, дополняющие словесные формулировки нормативных предписаний, где дается их описание и закрепляется порядок применения (например, в приложениях к нормативным правовым актам), способные в дальнейшем использоваться вместо предписания, выраженного текстуально. Однако диссертант оценивает подобный подход, как «весьма спорный» (с. 82 диссертации), и предлагает собственное видение. Так, к правовым символам Н. С. Гончарова относит «графические элементы уголовного закона — разделы, главы, статьи, части, пункты, заголовки, примечания, нумерацию и иные структурные единицы» (положение 4, выносимое на защиту, с. 11, 100, 254 диссертации), а также такие «графические средства», как «знаки препинания» и «пробелы» (с. 78, 253 диссертации), и, по-видимому, реквизиты УК РФ и вторичных (текущих) уголовных законов, поскольку, на взгляд диссертанта, «реквизиты, безусловно, имеют символическую природу» (с. 64 диссертации).

Положительно характеризуя стремление соискательницы коснуться юридико-технической проблематики в рамках представленного диссертационного исследования и признавая допустимыми отраслевые разработки юридико-технического инструментария, не вписывающиеся в общетеоретические конструкции,

тем не менее, отметим недостатки заявленного Н. С. Гончаровой подхода: определение правового символа как юридико-технического инструмента заменено на примерный перечень самостоятельных юридико-технических инструментов, имеющих различное функциональное назначение, не сводимое к законодательной графике, о чем, как становится известно из представленных в *Приложении № 1* к диссертации данных социопроса 150-ти практических работников, не осведомлены 84 % опрошенных (с. 314 диссертации).

Несмотря на то, что до настоящего времени вопросы содержания юридико-технического инструментария законодательной техники не имеют однозначного решения, к «графическим элементам» традиционно относятся только юридико-технические инструменты, выполняющие *функцию оформления*, за счет которой повышается коммуникативная эффективность законодательного акта. Такими инструментами применительно к уголовному законодательству, в частности, можно считать *абзацный отступ*, по-видимому, включенный Н. С. Гончаровой в понятие «пробелы» (с. 78, 253 диссертации), и *знаковое обозначение многоуровневых рубрик УК РФ*, как цифровое (для разделов, глав, статей, частей статей), так и буквенное (для пунктов), упущенное Н. С. Гончаровой, фокусирующей свое внимание только на *нумерации* рубрик УК РФ (положение 4, выносимое на защиту, с. 11, 100, 254 диссертации). Что касается «средств структуры», о которых подробно писал К. К. Панько («Теория и практика законотворчества в уголовном праве», 2011), образующих многоуровневую систему рубрикации УК РФ (части, разделы, главы, статьи, части статей, пункты частей статей), а также *примечаний* — специфической (вспомогательной, нетипичной, сопроводительной) структурной единицы УК РФ, не входящей в систему его рубрикации, но «привязанной» к статьям (откуда и их неформальное наименование — «постатейные»), то они не имеют отношения к законодательной графике.

Остановившись на вопросе о назначении графических средств, Н. С. Гончарова подчеркивает, что они «позволяют в предельно краткой форме выразить основную идею документа и тематику его структурных частей» (с. 253 диссертации). Однако данное утверждение можно признать справедливым только для такого юридико-технического инструмента, как *заголовки рубрик*, и, отчасти, для реквизитов законодательного акта, если иметь в виду

его наименование. Что касается утверждения Н. С. Гончаровой о том, что «специальная графика обеспечивает... композиционную упорядоченность нормативно-правовых предписаний» (с. 253 диссертации), то оно также вызывает возражения, поскольку композиция не относится к законодательной графике, а выступает самостоятельным отраслевым нормативно-структурным юридико-техническим средством, представляя собой логическую последовательность расположения нормативных предписаний в системе его рубрикации.

«Символ как норма права»

«Символ как норма права» раскрывается диссертантом следующим образом: «составная часть состава преступления, обстоятельств, отягчающих наказание, уголовного наказания» (положение 8, выносимое на защиту, с. 11–12 диссертации). По-видимому, речь идет не о самой *норме права*, а о составляющей юридических конструкций вышеперечисленного функционального назначения. Данный вывод вытекает из анализа определения диссертантом *символа в уголовном праве*, в котором наряду с упоминанием его «в качестве законодательной графики» указано не на «символ как норму права», а на символ, как «средство, предназначенное для отображения явлений объективной действительности» (положение 3, выносимое на защиту, с. 10, 95, 255 диссертации, с. 10 автореферата).

В то же время нельзя не обратить внимания на утверждение диссертанта, согласно которому «суть правовых символов состоит в том, что они создаются как предписания, целенаправленно придающие законодательству лаконичность, образность и обеспечивающие экономию правовой материи» (положение 1, выносимое на защиту, с. 10 диссертации, с. 9, 19 автореферата), «представляют собой «нестандартную» форму выражения нормативно-правовых предписаний» (с. 251 диссертации). Таким образом, правовой символ трактуется, как *предписание*. И, по всей видимости, на использование данной терминологии оказал существенное влияние ряд общетеоретических работ, составляющих теоретическую базу представленного диссертационного исследования, в которых упоминаются «символические предписания».

Однако фактически Н. С. Гончаровой имеются в виду «символы в уголовном праве» не как *предписания* или *норма права*, а как *юридические термины*, включенные в законодательные формулировки юридических конструкций

составов преступлений, наказаний и обстоятельств, отягчающих наказание.

Юридический термин является универсальным языковым юридико-техническим средством, представляющим собой словесное обозначение понятий, входящих в систему понятий юриспруденции. В рамках представленного диссертационного исследования изучаются юридические термины, используемые в уголовном законодательстве для обозначения понятий-символов. Таким образом, диссертант в определенной мере развивает идеи К. К. Панько, в работах которого рассматривается «термин как символ в нормотворческой практике».

Отвечая на вопрос о том, «взрастают ли правовые символы на почве действующего уголовного закона», О. Е. Спиридонова в своих работах по аналитике правовых символов приводит примеры использования соответствующих терминов в юридических конструкциях мер уголовно-правового характера для описания наказаний (ст. 48 УК РФ), а также в юридических конструкциях составов преступлений для описания предмета преступления (ст. 323, 324, 329, 354.1 УК РФ). Диссертантом же предлагается «в науке уголовного права наряду с понятием «символ — предмет преступления»... выделять такие понятия, как «символ — средство (орудие) совершения преступления», «символ — место совершения преступления» (положение 6, выносимое на защиту, с. 102, 104, 116, 120 диссертации, с. 11 автореферата). При этом отмечается, что соответствующие правовые символы «в уголовно-правовое поле попадают, когда нуждаются в уголовно-правовой охране от определенных деяний либо используются в качестве средства (орудия), места совершения преступления» (положение 5, выносимое на защиту, с. 11 диссертации).

Требуют серьезного научного осмысления выдвигаемые автором тезисы о том, что «в уголовном праве символы выполняют регулятивную, идентификационную, идеологическую функцию, позволяют экономить языковые уголовно-правовые средства, служат способом выражения правового веления» (положение 7, выносимое на защиту, с. 12, 252, 257 диссертации). Иллюстрируя последнюю из названных функций, диссертант отмечает, что «символы уголовного права информируют субъектов о необходимости воздержания от совершения определенных действий, например о запрете незаконного использования чужого товарного знака, знака обслуживания и т. д.» (с. 107 диссертации). Однако с данным утверждением

сложно согласиться в полной мере, поскольку информирование адресата уголовно-правового предписания осуществляется не за счет ознакомления с одним лишь понятием-символом, включенным в его состав, а за счет ознакомления с формулировкой предписания в целом.

Соглашаясь с такими выделяемыми диссертантом признаками правового символа в значении составляющей юридических конструкций различного функционального назначения, как «избирательность действия (для определенных групп / категорий людей), наличие идеи, экономия правовой материи» (положение 3, выносимое на защиту, с. 10 диссертации), трудно поддержать и отнесение к разряду признаков правовых символов «смысловой однозначности» (с. 73, 119 диссертации). Во многом именно представленное диссертационное исследование направлено на достижение «смысловой однозначности» понятий-символов как за счет предложений по унификации правоинтерпретации, так и за счет предложений по изменению законодательных формулировок. Таким образом, «смысловая однозначность» скорее — не признак существующего правового явления, а качество, к которому диссертант сам же справедливо призывает стремиться.

Постатейное рассмотрение диссертантом понятий-символов производится в работе в последовательности, отличающейся от последовательности, соответствующей композиции УК РФ. Воспользуемся последней, чтобы отразить наиболее значимые результаты представленного диссертационного исследования.

Так, рассмотрение диссертантом понятий «культурные ценности», которые, на взгляд автора «обладают качествами символов, имеющих особую ценность (прежде всего, духовную), особое смысловое наполнение, особый статус» (с. 227 диссертации) завершается выводом о необходимости унификации в статьях 164, 190, 243, 243¹ УК РФ терминологии, использованной для описания предметов соответствующих преступлений (с. 228 диссертации), с конструированием законодательной дефиниции культурных ценностей в авторской редакции в примечании к статье 164 УК РФ (с. 231 диссертации).

Рассмотрение диссертантом таких правовых символов, как дорожные знаки и дорожная разметка, завершается выводом о целесообразности их уголовно-правовой охраны (с. 225 диссертации, с. 26–27 автореферата), для чего предлагается включить в главу 27 УК РФ, устанавливающую уголовную ответственность

за транспортные преступления, статью 264⁴ УК РФ «Неправомерные действия с дорожными знаками и разметкой» (с. 17, 226, 264–265 диссертации, с. 16 автореферата).

Рассмотрение диссертантом содержания понятия-символа «Государственная граница Российской Федерации», использованного законодателем для описания места преступления, предусмотренного статьей 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации», завершается выводами, основанными на анализе практики судов Воронежской области за 15-летний период (с. 176 диссертации). При этом, оценивая существующие в уголовно-правовой науке предложения относительно целесообразности введения в конструкции составов преступлений, предусмотренных рассматриваемой статьей УК РФ, административной преюдиции (с. 179 диссертации), автор заявляет себя принципиальным и категорическим противником использования административной преюдиции в конструкциях любых составов преступлений (с. 180 диссертации).

Рассмотрение диссертантом при анализе признаков состава преступления, предусмотренного статьей 323 УК РФ «Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации», содержания понятия-символа «пограничные знаки... как символы Государственной границы, которые обозначают, во-первых, линию последней, и, во-вторых, пределы территории страны» (с. 173 диссертации), завершается следующими выводами: о несоответствии заголовка данной статьи содержанию рубрики, поскольку «совершение противоправных действий с пограничными знаками ни фактически, ни юридически не влечет изменения границы» (положение 9.4, выносимое на защиту, с. 13 диссертации), в связи с чем диссертантом предложена иная формулировка — «Незаконные действия в отношении пограничных знаков» (с. 15, 183, 261 диссертации, с. 15, 24 автореферата), поддержанная, как становится ясно из представленных в *Приложении № 1* к диссертации данных соцопроса 150-ти практических работников, 90 % опрошенных (с. 315 диссертации); о вариативности способов уничтожения пограничных знаков, влекущих квалификацию по рассматриваемой статье УК РФ (с. 181 диссертации); о недопустимости декриминализации рассматриваемого преступления. Последний вывод весьма категоричен: «так как пограничные знаки являются символами Государственной границы России, то за

посягательства на них, безусловно, должна наступать уголовная ответственность» (с. 182 диссертации).

Рассмотрение диссертантом «уголовно-правовых аспектов охраны государственных наград, исходя из их сущности как... символа» (с. 186–187 диссертации), завершается следующим выводом: «от того, насколько правильно эти символы будут закреплены в УК РФ, будет зависеть степень эффективности применения норм о них на практике» (с. 204 диссертации). Для оценки данной эффективности вполне логичным выглядит обращение диссертанта к анализу соответствующей практики судов Воронежской области за 15-летний период (с. 192 диссертации), по результатам которого диссертант выступает с предложением о выделении состава хищения государственных наград из состава их незаконного приобретения с моделированием статьи 324¹ УК РФ (исходная посылка сформулирована в положении 9.6, выносимом на защиту, с. 196–198, 262–263 диссертации, с. 13, 25 автореферата). Однако целесообразность обращения диссертанта к положениям уголовных кодексов 4-х западноевропейских государств (Германии, Голландии, Франции и Швейцарии) для выяснения вопроса о том, каким образом осуществляется в данных государствах охрана государственных наград (с. 189–190 диссертации), вызывает определенные сомнения. Представляется, что круг государств, чей опыт борьбы с преступностью (любого вида) представляет реальный, а не познавательный интерес для российских ученых, имеет смысл ограничить государствами, объединенными общностью правовых традиций с Российской Федерацией, а также сходством социально-экономических условий развития.

Рассмотрение диссертантом содержания понятий-символов «Государственный Герб Российской Федерации» и «Государственный Флаг Российской Федерации», использованных законодателем для описания предмета преступления, предусмотренного статьей 329 УК РФ «Надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации», завершается выводами о признаках данного предмета, исключающими возможность квалификации по рассматриваемой статье УК РФ деяний в отношении изображений предмета и т. п. (с. 139 диссертации). Что касается предложения диссертанта о расширении предмета преступления, предусмотренного данной статьей УК РФ, за счет включения в перечень

предметов государственных символов дружественных стран (положение 9.1, выносимое на защиту, с. 13–15, 143, 258 диссертации, с. 12, 14, 21 автореферата), то, не оспаривая его содержательной составляющей (основанной на мировоззренческих позициях о целесообразности равной охраны «своих» и «чужих» государственных символов), сложно не высказать определенные сомнения в отношении использованного диссертантом юридико-технического инструментария. Так, диссертантом предлагается включить в формулировку состава соответствующего преступления оценочное понятие «дружественные страны», фактически толкуемое по формуле, которую можно выразить словами «дружественные — это все, которые не являются формально недружественными» (с. 144 диссертации). Однако, поскольку предлагаемому варианту толкования не предлагается придать статус официальной правоинтерпретации, сложно гарантировать, что он будет в перспективе единственным, то есть вариативность правопонимания будет исключена на практике.

Остановившись на предложении диссертанта о введении в УК РФ статьи 329¹ «Незаконные действия в отношении государственных символов», устанавливающей уголовную ответственность за изъятие, перемещение и уничтожение вышеуказанных предметов-символов (с. 259 диссертации), нельзя не обратить внимание на то, что в настоящее время соответствующие действия охватываются понятием «надругательство», о чем свидетельствует приведенная диссертантом судебная практика (с. 136–137 диссертации). Произведенная соискательницей корректировка понятия «надругательство» (с. 152 диссертации) исключает конкуренцию нормативных предписаний, предусмотренных статьей 329 УК РФ и предлагающейся к ведению в УК РФ статьи 329.¹

Все вышеизложенное свидетельствует о несомненных способностях соискательницы к самостоятельному научному анализу рассматриваемых актуальных проблем. В этой связи, несмотря на ряд спорных теоретических положений работы, отмеченных выше, необходимо дать общую положительную оценку представленному диссертационному исследованию, отмечая его творческий и новаторский характер, поскольку сформулированные выше замечания свидетельствуют о многоаспектности заявленной темы диссертационного исследования. *Научная новизна диссертационного исследования* представляется в построении

Н. С. Гончаровой теоретической модели использования понятий-символов при создании отраслевых юридических конструкций различного функционального назначения и находит непосредственное выражение в основных положениях, выносимых на защиту. *Теоретическая значимость диссертационного исследования* состоит в том, что представленные новации в научном понятийном аппарате могут быть положены в основу дальнейшего развития

как отечественного уголовного права, так и отраслевой теории законотворческой техники. *Практическая значимость диссертационного исследования* заключается в возможности использования его результатов в практике вторичного (текущего) уголовного законотворчества, а также при подготовке юридических кадров в ходе преподавания дисциплин уголовно-правового цикла, включая специализированные юридико-технические курсы.

Информация об авторе

С. С. Тихонова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. S. Tikhonova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Отзыв на диссертацию поступил в редакцию 07.06.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The dissertation review was submitted 07.06.2023; accepted for publication 10.09.2023.